

Позавчера, 25 июля, исполнилось тринадцать лет со дня смерти Владимира Семеновича Высоцкого.

О последних днях, днях прощания с Поэтом, Актером, Певцом, и его похоронах рассказывает известный писатель Георгий Вайнер.

Я думаю о Высоцком, а думаю мы о нем часто, потому что жизнь его и смерть являются большим человеческим и художественным уроком для каждого думающего человека. Смерть Высоцкого и прощание людей с ним были, в известной степени, проекцией его судьбы.

Если бы это можно было заменить какой-нибудь системой музыкальных знаков, то жизнь Высоцкого — непрерывно нарастающее аллегро. Это преодоление чудовищных жизненных сложностей, через которые прошел Володя. И, когда он уже вошел в зенит своей славы, многим представлялся невероятным удачником, поскольку мало кто видел его в обыденной жизни мрачным, озлобленным. Потому что только узкий круг людей сталкивался с этими неизбежными, теньными сторонами его жизни.

И смерть его, и прощание с ним были сжатым во времени повторением его жизненной судьбы, потому что умер он для всех внезапно. И для нас тоже.

За две недели до смерти он был у нас в гостях дома. Был, весел, прекрасен. А на другой день он собирался уезжать к Вадиму Туманову на Печору, где предполагал много работать. Но так случилось, что он не поехал, остался в Москве и 25 июля в 4 часа утра умер от остановки сердца.

В это время как раз мы еще не спали и говорили о нем. У нас в гостях были люди, проявившие к нему большой интерес, поскольку впервые телевизионная компания Эн-би-си заявила о своей заинтересованности в покупке фильма «Место встречи изменить нельзя» для демонстрации. У нас в гостях были представители этой компании, и мы говорили, естественно, о Володе. Вот тут мы столкнулись с той вещью, которая является барьером восприятия художника, необходимостью прорыва словом. Потому что когда заводили на магнитофоне песни, которые пел Володя Высоцкий, то они слушали с интересом, но явно ничего не происходило с их эмоциональной системой: они не понимали той глубины эмоционального и интеллектуального проникновения Высоцкого в наши души, души его постоянных почитателей его громадного таланта.

А около восьми утра позвонил Сева Абдулов и сказал, что Володя умер.

Должен вам сказать, что все это происходило утром в пятницу, и в голосе Сева был совершенный ужас, по-

скольку это случилось в разгар Олимпиады, город фактически закрыт для приезжих, многих товарищей просто нет на месте. Я сказал: «Но ведь мы его похоронить не сможем...» И мы начали обзванивать всех, кто мог бы помочь в вопросе о похоронах.

Приехал замечательный товарищ в беде — это я заключаю официально — Иосиф Кобзон, человек, который всегда на любые людские потребности и просьбы отвечает очень активно. И он помчался в Моссовет и долбил там, и орал, и скандалил, топал ногами...

Георгий Вайнер:

«Он не был вечевым колоколом...»

27.07.93г.

Произошел следующий сдвиг: решили похоронить в центре Москвы, на Ваганьковском кладбище, у ограды, у железной дороги, там где-то, на раскопках чьей-то могилы. Мы звонили в это время в редакцию «Вечерней Москвы», добивались. А это была пятница, середина дня, никого нет на месте. Мы звонили, чтобы дали хотя бы рамочку-некролог — хоть кого-нибудь известить о случившемся. И ужас Сева нам тогда был очень понятен, потому что, когда мы приехали, дом был совершенно пуст.

И начали приходить люди, стекаться малознакомые, более знакомые, друзья — словом, включились все. Шли бесконечные переговоры по инстанции, по «верхам», пока только к субботе получили разрешение — в конце дня — похоронить его на Ваганьковском кладбище на том месте, где сейчас его могила.

Эти дни были наполнены таким бессонным напряжением, бессмысленным «блужданием» друзей, которые как-то пытались решить еще массу вещей, таких необходимых, и встретивших вдруг какие-то значительные препятствия и сопротивление. То никак мы не могли добиться, чтобы напечатали некролог. Мы написали с Артуром Макаровым этот некролог, сидя на кухне, и его Володя Надеин, представитель «Известий», развез везде и, наконец, пообещали напечатать в «Советской культуре». Но это вышло уже через день после похорон Володи. По существу, кроме маленькой печальной ремарки-

рамочки в конце «Вечерней Москвы», ничего сообщено не было.

Разрешили доставить гроб с телом Володи только в понедельник утром и до часу дня... В воскресенье мы его переложили в гроб, и нам запомнилась очень сильно эта ночь, когда с середины дня воскресенья около дома, где жил Володя, собиралась толпа.

Вот это и есть феномен человеческой любви, не нуждающийся в электромагнитных волнах и ротационных машинах. Фактически нигде еще почти не было сообщено в пятницу, что умер

Володя, но уже знала вся Москва. По жаркому субботнему пустому городу из окон разносились звуки его песен, люди говорили как о событии первоочередной важности.

Около дома Володи постоянно стояла толпа. В три часа ночи его вынесли из квартиры и установили гроб в холле дома, где он жил, уже для прощания. И уже стояла там тысячная толпа, бесчетные дружинники, которые впускали туда людей. Еще была ночь на грани рассвета. И запомнилось мне вот что: это была ночь полнолуния, все было залито сиренево-синим светом. Все это выглядело нереально как то... Его положили в фургон реанимационной машины и повезли через абсолютно пустой город в театр. Когда его привезли в театр, было уже полчетвертого утра.

Всходило солнце. Вся площадь Таганская и улицы вниз по Яузскому спуску — все было уже перекрыто заграждениями, барьерами, а за ними стояла огромная толпа... Установили на сцене гроб, а поскольку еще не было решено, в котором часу начать прощание, с 9 или с 10 утра, то мы, не спавшие двое суток, решили пойти и хоть час поспать перед похоронами. Мы уехали. А когда вернулись в половине девятого, то поняли, что не попадем в театр никогда.

Мы себе такого не представляли.

На моей памяти событие похорон такого масштаба, собравшее такое стечение людей, ведомых одним душевным порывом, было только в день похорон

Сталина. Никогда еще не было, чтобы сотни тысяч москвичей собрались на подходах к театру. Запружены были все соседние улицы. Конечно, за три часа отведенные для прощания, не смогла пройти у гроба даже малая часть. Мы попали, можно сказать, чудом, поскольку уже за километр до входа в театр была сплошная, непроходимая толпа. Мы вместе с другими стали тоже биться на подходах, что-то кричать. И какой-то парень нас выручил, сказав: «Вайнеры пришли прощаться с Жегловым...» И мы прошли. Даже через двадцать минут после официального закрытия доступа в театр толпа проходила напролом. Сотни людей сидели на крышах домов, окрестных заборах, на деревьях.

Никогда подобного мы ничего не видели!

Это была настоящая скорбь людей, потерявших своего певца, своего человека. Тут же возникали массы идей, поскольку люди были возмущены тем, что не имеют возможности проститься — поставить гроб на открытом грузовике и провезти его вдоль всей толпы, но в итоге приняли разумное решение этого не делать, потому что возникла бы грандиозная свалка, люди попали бы под колеса... Остановить эту стихию истинной горечи и боли от этой потери было невозможно.

Дальше были похороны, и остается по сей день его могила, на которой мы часто бываем. Мне всегда интересно, а прекратятся ли когда-нибудь эти горы цветов? Мне всегда это интересно, потому что мне кажется — это символическая оценка его живой связи с нами.

Он не был вечевым колоколом, да и не ставил перед собой подобной задачи, но он был живым и трепетным колокольчиком, отзывавшимся на любое дуновение общественного настроения, который звучал в унисон со всяким душевным движением людей в любой конкретный момент. В этом очень легко убедиться, если по хронологии рассматривать его песни. Очень наглядно то, как он отзывался на любой ситуационный взрыв общественного настроения.

А когда он умер, я подумал вот о чем: его похороны были наверняка неисчерпаемой темой для его стихов и песен, поскольку его похороны были неотъемлемой частью его жизни. Вот так, как он жил, так он и умер, так с ним и прощались. И все это было частью какого-то неслыханного, непонятно кем срежиссированного жизненного спектакля, в котором он все равно останется живым, поскольку эти миллионы километров магнитофонных пленок, кино, память о нем как о театральном актере оставляют его не ради, так сказать, утешительного слова «живым», а реально живым.